

DOI: 10.31857/S086919080004573-7

Для цитирования: Элез А. Й. [Рец. на:] Исмагилова Р.Н. *Эфиопия: особенности федерализма*. М.: Институт Африки РАН, 2018. 544 с., карт. *Восток (Oriens)*. 2019. № 3. С. 221–231. DOI: 10.31857/S086919080004573-7

For citation: Elez A. J. [Review of:] Ismagilova R. N. *Efiopiia: osobennosti federalizma (Ethiopia: the peculiarities of federalism)*. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2018. 544 p., maps. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 3. Pp. 221–231. DOI: 10.31857/S086919080004573-7

Р. Н. ИСМАГИЛОВА. **ЭФИОПИЯ: ОСОБЕННОСТИ ФЕДЕРАЛИЗМА.**

М.: Институт Африки РАН, 2018. 544 с., карт.

© 2019

А. Й. ЭЛЕЗ

Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8891-6480>; aelez@yandex.ru

В последние десятилетия *федерализм* как идея и как принцип организации государства в силу многих обстоятельств привлекает особое внимание обществоведов. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что титульная страница рецензируемой работы, представляющей собою воспроизведение накопленного автором (и в немалой мере уже опубликованного ранее) материала об *Эфиопии вообще*, посвящена особенностям *федерализма* Эфиопии (с. 3), т.е., как принято писать в начале рецензий, – весьма важной и актуальной теме. Однако на обороте титульного листа помещена аннотация, из которой ясно, что после титульной страницы тема коренным образом меняется, что монография теперь посвящена уже не выявлению *особенного*, а «детальному и многоплановому анализу системы этнического федерализма в Эфиопии» (с. 4) и что отнюдь не методологическая щепетильность помешала автору, прекрасно сознающему, что от этнографических очерков он далеко уйти не сможет, вынести именно *этнический федерализм* на титульную страницу книги. Средства массовой информации в стремлении защитить граждан от мошенников непрестанно советуют нам не приобретать товар, не ознакомившись предварительно как минимум с напечатанной петитом аннотацией, но эти советы обычно основаны на бытовых примерах, поэтому разбор случая полнейшего игнорирования *предметности научного исследования* представляется нам далеко не лишним.

Если же автор исходит из того, что этнический федерализм в Эфиопии и федерализм в Эфиопии – одно и то же, что этнический федерализм в Эфиопии – организационный тип федерализма вообще, а не одна из областей функционирования отношений федерализма, то, даже соглашаясь с этим принципиально, категорически нельзя применить это к рецензируемому тексту, ибо анализа отношений федерализма в Эфиопии (который в этой стране «этнический») во всех его сферах (прежде всего экономической, налоговой в том числе) в тексте нет. Р.Н. Исмагилова представила вниманию читателей собрание текстов об Эфиопии, посвященных не федерализму этой страны, а ее истории и этнографии (следовательно, касающихся, помимо прочего, также и федерализма).

То, что «анализ» заявляется в аннотации как «детальный и многоплановый» (с. 4), не может быть оправданием размытия или подмены предмета исследования. Да и «стык дисциплин» в наши дни чаще всего упоминается не по делу, а как проверенный способ защиты эклектичного текста от предчувствуемой критики: «Монография... написана на стыке трех дисциплин: этнологии, истории и политологии, что дает возможность более полно охарактеризовать особенности происходящих в стране процессов» (с. 4). Какая логика помешала «состыковать» не три, а тридцать три дисциплины (добавив к «стыку»

языкознание, статистику, социологию и другие дисциплины, данные которых спорадически используются в тексте), и по-прежнему выдавать скопление разнородной информации и рассуждений *по поводу* за монографию на конкретную тему – этого не поможет понять даже «возможность более полно охарактеризовать особенности происходящих в стране процессов», т.к. автор нигде не пояснил, откуда взялась теперь уже *такая* задача и можно ли после ее постановки найти хоть что-то в Эфиопии, что неуместно было бы рассматривать в монографии о *федерализме* этой страны.

Априорно отмечая поиск *причин* происходящих в Эфиопии процессов *за пределами Эфиопии*, Р.Н. Исмаилова напоминает, что «в Африке накануне независимости причины межэтнической напряженности и конфликтов объясняли нередко происками колонизаторов, их политикой “разделяй и властвуй”. Колонизаторов давно нет, а конфликты не только существуют, но в ряде стран перерастали в гражданские войны и геноцид» (с. 7). Автор, полагая, имеет в виду объяснение (т.е. установление причин) названных явлений и событий, а *объяснить* причины – в данном контексте то же самое, что *установить* причины причин. Утверждение же о том, что «колонизаторов давно нет», есть проявление номинализма, проще говоря – неспособности отличить явление от сущности. Доллар США, даже если не прибавлять к нему вооруженные интервенции и «международные трибуналы», сегодня куда более эффективен как орудие колонизации, нежели ранее – парусные суда, стеклянные бусины и огнестрельное оружие, – со всеми вытекающими последствиями, причем не только для вчерашних колоний *de jure*. «Давно» для исторического изложения – не самый аккуратный термин; в РФ, во всяком случае, хорошо знают, что тот, кто не заинтересован в освещении реальных причинно-следственных связей, готов списывать текущие неурядицы на «причины», скончавшиеся куда «давнее», чем старая колониальная система в Африке. Понимание того, что в последние десятилетия усиление «этнического самосознания» и т.п. можно отмечать не только в Африке, но и «на примере бывших республик Советского Союза с их всплеском национализма», можно было бы приветствовать, если бы из этого вытекало экономически компетентное понимание современного колониализма в Африке, а не, напротив, метафизическое непонимание также и опыта СССР (см. с. 526). «Объяснить причины» такого подхода следует прежде всего конъюнктурными соображениями: ведь в число не названных Р.Н. Исмаиловой авторов, которые отнюдь не только «накануне независимости», но и куда позднее межэтническую напряженность в Африке «объясняли нередко», помимо прочего, наследием колониализма и политической империалистических держав, входит Р.Н. Исмаилова. Большой вред нанесло исследованию априорное исключение экономической науки из авторского «стыка дисциплин», системного подхода к всемирной истории – из авторского объяснения событий и явлений в конкретных обществах, а всех сфер действия отношений федерализма, кроме национального вопроса, – из поля зрения автора.

«Прошло более 26 лет со времени введения в стране системы этнического федерализма. Поэтому важно проанализировать достоинства и недостатки системы, национальную политику, причины сложных межэтнических отношений, социально-экономические и политические причины конфликтов, приведших к массовым протестным движениям в 2015–2017 гг., традиционные институты и механизмы разрешения и предотвращения конфликтов, сложные проблемы, связанные с сепаратистскими настроениями некоторых политических деятелей оромо и сомали, ситуацию в наиболее конфликтных районах Эфиопии» (с. 13–14). По какому «поэтому» именно 26-летний стаж «системы этнического федерализма» делает «важным» анализ безразмерного набора именно того, о чем у Р.Н. Исмаиловой набралось что сказать в связи с Эфиопией, – вопрос риторический. Но даже в этом перечне аналитических задач автор не предупреждает о том обилии чисто этнографической – и никоим образом не связанной ав-

тором с предметом исследования – эмпирической информации, которое ожидает читателя в основном тексте монографии.

Первая часть монографии озаглавлена: «Этничность – многоплановое явление» (с. 15). Но, во-первых, заглавия вроде «Ташкент – город хлебный» или «Хлеб – имя существительное» годятся для беллетристики, а в монографии, скажем, о природоохранном законодательстве вряд ли уместен раздел «Лес – явление сложное». К тому же то, что любой предмет обладает бесконечным множеством свойств, – аксиома философии. Во-вторых, по теории «этнического» давно уже имеются и теоретически бессильные труды, и просто хлам, опубликованный под прикрытием какой-то «научной публицистики», и единичные работы по критическому преодолению этнологических заблуждений, и автору следовало бы знать, что существование этничности в каком угодно из имеющихся ее специальных толкований не было логично доказано в литературе (зато было логично опровергнуто). Отрадно в таком подзаголовке лишь то, что Р.Н. Исмагилова не приписала этничности *многозначность*, как сделала это ранее (с. 10), в следующей же фразе, впрочем, признав, что многозначен именно *термин* «этничность». Разумеется, речь в этой части – конкретно об опыте Эфиопии, а замечания автора об *этничности* как таковой крайне ограничены в количественном и качественном отношениях, да и *федерализм* тут разве что изредка мелькает.

Тезис о том, что «в науке существует множество определений этничности», говорит о незнании автором литературы, в которой давно доказано, что за рамками отождествления этнического и племенного никаких определений «этничности» нет и быть не может, что логически и методологически несостоятельные *попытки* формулировки определения множились и будут множиться как грибы, но что считать эти бесплодные потуги *определениями* нет никаких научных оснований. К тому же в том «определении этничности», которое цитирует (с. 10) Р.Н. Исмагилова, этничность сначала рассматривается как «артефакт, созданный индивидуумами или группами с тем, чтобы объединить группу для каких-то общих целей» (под такое «определение» подпадают и РПЦ, и СС, и Центризбирком, и ИГИЛ, и многое другое), а потом разделяется на два типа, из которых под только что сформулированное общее «определение» подпадает лишь второй. Излишне доказывать, что на такой теоретической базе подлинно научные труды создаваться не могут.

Домыслы о том, что в науке продолжается борьба между «примордиалистами» и «конструктивистами» (с. 10), также давно опровергнуты, да, собственно, никогда и не были приемлемыми для компетентной публики, ибо «кто не имеет в качестве исходного определенное понятие, тому даже не дан объект» (Л.А. Фейербах). Р.Н. Исмагиловой, если она не согласна с уже сформулированной в литературе оценкой «борьбы», следовало бы выдвинуть аргументы против тех, кто считает названные направления фикциями в связи с отсутствием у «приверженцев» критериев вычленения того, что якобы является *предметом разногласий*. Автор приводит одно из многочисленных «определений» этнических групп: «Этнические группы определяются прежде всего по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе самосознания» (с. 11). К сожалению, Р.Н. Исмагилова, некритически приводя чужие концепции, ни словом не поясняет свое отношение к ним и, в конечном счете, теоретическую позицию, из которой *она* собирается исходить в *своем* тексте. Ведь приведенная формулировка построена на порочном круге, ибо предполагает *уже вычлененную группу*, мнение членов которой – а не кого угодно – о себе самих нужно выяснить затем, чтобы *вычленить эту самую группу*. Такая «дефиниция» принципиально не позволяет отличить этническую группу от неэтнической и, следовательно, определением этнической группы не является. Вероятнее всего, высказанные в литературе специально для этнологов напо-

минания о том, что невозможно определение, в котором в правой половине повторяется его левая половина, прошли мимо автора.

Да и специфику этих «измов» автор не представляет себе даже приблизительно: «Критикуя определение этнических групп, принятое в Конституции Эфиопии, и этническую модель федерализма, приверженцы конструктивизма заявляют, что не может быть этнической группы с фиксированными характеристиками, поскольку при таком широком распространении межэтнических браков очень много этнически смешанного населения и не всегда возможно определить их этническую принадлежность. В качестве примера приводят амхара и оромо, широко расселившихся по всей стране» (с. 12). Ссылки не дано, но можно допустить, что какие-то конкретные лица, говоря о «межэтнических браках» в Эфиопии, т.е. однозначно признавая реальность никем не определенного этнического, *одновременно с этим* выдают себя за «приверженцев конструктивизма». Но, во-первых, в целой РФ в числе этнологов, несмотря на достаточно произвольный список в работе Р.Н. Исмагиловой (с. 11), известен лишь один «приверженец», а прочие, неохотно выдающие себя за таковых, – не более, чем *его* временные приверженцы. Да и у него-то «этнос» то существует лишь в сознании ученого, то реален, но при этом вторичен по отношению к самосознанию членов неизвестно как выделенной группы, а то и объективно реален не менее бромлеевского. Во-вторых, с признанием реального существования этнического так называемый «конструктивизм» – т.е. номиналистический и идеалистический принцип, а не список «приверженцев», – концептуально несовместим (браки заключаются не между «умственными конструктами» и не «в головах ученых»), поэтому списывать на него реалистическую критику эфиопских дефиниций нет оснований. Этот «изм» если и возразит против эфиопского определения «этнических групп», то не по существу и не на условии признания реальности и их, и браков между их членами, а лишь по непризнанию объективного существования родов вещей и, соответственно, объективизма понятий вообще и научных категорий в частности.

Вторая часть – «Этнический федерализм» – также по большей части подменяет анализ этнического федерализма страны рассказами (по большей части – этнографического толка) о всякой всячине из истории Эфиопии – страны, в которой, помимо многого прочего, действительно, есть и *федерализм*. Самая объемная (в 57 страниц) глава этой части – «Национальный вопрос и национальная политика (исторический очерк)». Правда, главы VI («Система этнического федерализма») и XIV («Этничность и федерализм: опыт Эфиопии») вполне соответствуют теме исследования (косвенно – указанной на титульной странице, прямо – указанной в аннотации), в то время как остальной текст совершенно очевидно собран по принципу «я его слепила из того, что было». Но материалу добавлено свежести, да и работа по переформулировке фраз, затрудняющей сравнение монографии с прежними публикациями, проделана немалая.

Опираясь на данные собственного полевого исследования 1992 г., выводы из которых неизвестно почему «применимы и сегодня» (с. 45), Р.Н. Исмагилова пишет: «Для большинства эфиопов их этническая принадлежность значит больше, чем общезфиопская идентичность. ... На вопрос “кто Вы по своей этнической принадлежности?” ответ был: “я – амхара”, “я – гураге” и т.д. Может быть, следовало уточнить вопрос и спросить: “Кем Вы считаете себя в первую очередь: эфиопом или членом определенной этнической группы?”» (с. 13). Не будем придирааться к тому, что *принадлежность* противопоставлена *идентичности*, т.е. субъективному признанию принадлежности, даже автором относимому к сфере «самосознания» (с. 13): очевидно, что автор имеет в виду либо две формы принадлежности, либо две формы идентичности. Важнее то, что «общезфиопская» автором не рассматривается как форма «этнической». Правда, не вполне ясно, каким образом с этой «общезфиопской идентичностью» связана «официальная кодификация», т.е. «разделение этнических общностей на три категории: “нации”, “национально-

сти” и “народы”» (с. 72); к тому же из цитат не следует, что официальные документы признают указанные «категории» именно в качестве каких-то «этнических общностей».

Как бы предвидя эти возражения, автор оговаривается о том, что вопрос, «может быть, следовало уточнить». Но запоздалое «уточнение» лишь подтверждает лишний раз, что принадлежность к *эфиопам* автор не считает принадлежностью к *определенной этнической группе*, и ничего не проясняет. Выяснять не «в большей степени», а именно «в первую очередь», закрыв вопрос лишь двумя наиболее интересными этнографу ответами, значит лить воду, хотя бы косвенно, на мельницу Л.Н. Гумилева и целого ряда буржуазных социологов с их концепцией «этнической идентичности» как якобы «главной идентичности». К тому же несостоятельность прямого опросного выяснения «этнической» самоидентификации уже доказана в литературе.

Более или менее осмысленную попытку разобраться в теоретической стороне вопроса об этническом федерализме в Эфиопии Р.Н. Исмагилова, к сожалению, предпринимает не в начале текста, а во фрагменте, заглавном в последнюю главу, но и там не формулирует собственных определений: «Обращает на себя внимание, что единая общегражданская идентичность никак не обозначена в Конституции. Трудно говорить о гражданстве в пределах всей страны в том смысле, что каждый индивидуум обладает полнотой политических и гражданских прав. Единое “эфиопское гражданство” может быть только при условии, если у всех будут равные права, где бы (полагаем, все же в пределах Эфиопии. – А.Э.) они («все», а не права! – А.Э.) не (ни. – А.Э.) находились» (с. 521).

Из процитированного (даже при взятых автором с потолка «смысле» и «условии» единого гражданства) можно сделать вывод, что автор не считает обладателей «обще-эфиопской идентичности» *нацией* ни в историко-материалистическом понимании ее, ни в муссируемой ныне иными «приверженцами» трактовке нации по признаку единого государства, лаконично сформулированной в «Доктрине фашизма» Б. Муссолини. Правда, сама Р.Н. Исмагилова от этого, как и от какого-либо иного, вывода относительно квалификации этой идентичности уклоняется, явно считая, что это не так важно для «анализа» федерализма, как гора посторонней информации.

Автор указывает, что «Эфиопия ни в коей мере не является исключением: в Нигерии на тот же вопрос вам ответят “я – йоруба”, “я – игбо” и т.д., в ЮАР – “я – коса”, “я – зулу”. Акцентирование идентичности в настоящее время с введением системы этнического федерализма еще больше усиливает этническое самосознание» (с. 13). В литературе последних десятилетий доказательно разобран вопрос о том, в какой мере можно доверять (да еще и в надежде докопаться до «самосознания») ответам на вопросы, упоминающие «этнос», «этническую принадлежность» и прочее «этническое», которые не то что у эфиопских респондентов, но даже у этнологов не имеют и не будут никогда иметь общепринятого толкования.

Говоря об «акцентировании идентичности», автор, судя по контексту, имеет в виду идентичность не «общеэфиопскую», а в отношении «определенной этнической группы». Но связь между «акцентированием идентичности» и «введением системы этнического федерализма» как причинами и усилением «этнического самосознания» как их общим следствием реально не более вероятна, чем обратная. Кроме того, причинно-следственную связь можно констатировать лишь по доказательному исключении влияния прочих исторических факторов. А они действуют в мировой истории таким образом, что зачастую либо взаимовлияние указанных автором факторов – не усиливающее, а, напротив, ослабляющее, либо усиление любого из них вообще не требует наличия остальных. Кто не знает, что можно с использованием федеративных форм, с поощрением национальной самобытности и беспрецедентной поддержкой национальных культур организовать огромную многонациональную страну и получить такой монолит, который не только не разваливается «как карточный домик», а уже через несколько лет фактически определяет

мировую историю. И кто не знает, что можно, утратив сопротивляемость влиянию извне, при всей пропаганде внутренней монолитности получить, как *deus ex machina*, кровавый разгул «этнического самосознания».

Непонимание этого связано не в последнюю очередь как раз с тем, что автор, претендующий на изложение *особенностей*, совершенно не обременен системным подходом и понятия не имеет о том, что науке известен лишь один способ вычленения *особенностей* (и, соответственно, общих признаков) предмета или явления – *сравнение* его с другими предметами или явлениями. *Особенное* отражено разве что в одном предложении, посвященном конституции Эфиопии (с. 244) и действительно соответствующем теме монографии. Прочее *особенное* касается почти исключительно не особенностей федерализма в Эфиопии, но особенностей чего угодно в каких угодно местностях внутри Эфиопии. Если, скажем, именно «существующие конфликты в штате Сомали можно разделить на три категории: межклановые/межэтнические; внутриклановые; борьба государства с мятежниками (но почему-то не наоборот! – А.Э.)» (с. 82), то остается лишь гадать о том, на каком основании не удостоились подобной классификации конфликты в других штатах страны и что помешало автору до сдачи текста в печать хоть один раз прочитать этот литературный конгломерат целиком.

Зато опыт других стран приводится подробно там, где у автора есть возможность использовать имеющийся в запасе материал, – правда, при полном игнорировании темы исследования, прикрываемом редкими вставками словосочетания «этнический федерализм»; это касается прежде всего рассказов о традиционных институтах правосудия в Руанде и в ЮАР в конце главы IV. Фразы вроде «в новых условиях существования этнического федерализма эти механизмы занимают главенствующие позиции по сравнению с государственными судами» (с. 169) рассчитаны на чисто декоративное привязывание постороннего изложения к теме монографии. Правда, конкретно именно эта цитата дает нам хотя бы намек на соотношение сил между традиционными и государственными правовыми институтами, какового намека в предыдущем изложении в данной главе, посвященной именно традиционным механизмам и институтам урегулирования конфликтов, не было. При том даже, что информация о штрафах в верблюдах да в коровах в разных штатах за убийство или изнасилование вряд ли объясняет специфику федерализма в Эфиопии, текст данной главы – за исключением, кажется, пары фраз в параграфе о шинаша – позволяет приблизительно понять правовые возможности какого-то типа инстанций лишь в отношении *какого-то рода дел*, но не в отношении *уже принятых решений другого типа инстанций*, т.е. непонятными остаются полномочия по кассациям, апелляциям, надзору, опротестованию, отмене и т.п. Но ведь именно этим определяется правовое соотношение судебных инстанций, а «главенствующие позиции» традиционных институтов – при том, что даже организацию и иерархию шариатских судов определяет закон государства (с. 106–107), – понимать можно весьма разнообразно.

Нельзя не отметить, что автору явно свойственна идеализация «традиционных механизмов урегулирования» и явно не послекапиталистическое, а докапиталистическое пренебрежение исторически действительно *традиционными* для государства как такового *государственными* правовыми институтами на том основании, что они-де «чужды народу, их (sic! – А.Э.) культуре» (с. 169). Автор, не подходящий к объекту позитивистски, а действительно способный к *анализу* «роли традиционных механизмов урегулирования конфликтов в современном обществе» (с. 4), напротив, полагал бы более рациональным поднятие культурного уровня масс, если уж речь идет о современном обществе, и не смаковал бы тормозящие развитие общества пережитки на том сомнительном основании, что они-де «прошли проверку временем» (каковой фразеологией, тем более не имея никаких статистических данных о «проверке», можно оправдать какую угодно реакцию). Р.Н. Исмагилова всерьез полагает, что «главная цель традиционных механизмов не нака-

зание преступника/правонарушителя, а поиск примирения и восстановления добрососедских отношений среди общинников, с тем, чтобы на долгие годы обеспечить мир в общине» (с. 169). Однако из текста главы IV, если не забыть действительно подвергнуть приводимые в нем факты *анализу*, следует совершенно иное, а именно – что не сами «механизмы», а сохранение этих реакционных форм правосудия *государством* имеет целью не торопить события, не будоражить общество в целом, которому в его нынешнем духовном состоянии интеллектуальное развитие явно легко не дастся, и *терпеть* пережитки ради «мира в общине». Но то, что вынуждено санкционировать государство, отнюдь не обязан санкционировать *анализ*, наука должна оставаться наукой.

А вот с точки зрения науки сами «традиционные механизмы» отнюдь не нацелены на мир «на долгие годы». Такая цель может лишь декларироваться; в *современном обществе* мало кому неизвестно, что юридическое установление наказания выполняет, во-первых, профилактическую задачу, а только во-вторых – карательную. Не нужно быть великим диалектиком, чтобы понять, что система наказаний, делающая хотя бы в пересчете на верблюдов гибель близкого родственника зачастую более выгодной, нежели вся оставшаяся жизнь его, по профилактической эффективности поддержания мира в общине не может сравниться не только с цивилизованной перспективой расстрела или тюрьмы, но даже с принципом кровной мести – если, конечно, не трактовать этот «мир» как ситуацию всеобщего мирного настроя по отношению к засилью преступности и полного удовлетворения беспределом. Если уж в книге об «особенностях федерализма» оказалась глава IV, то прискорбно, что Р.Н. Исмагилова, не скупясь на подробности верблужей и коровьей компенсации и отношений между кланом убийцы и кланом убитого, от «этнической группы» к «этнической группе» успевающие изрядно надоесть читателю, не привела цифр, куда более значимых для оценки действительной роли «традиционных механизмов» в *современном обществе*, а именно – статистики преступности хотя бы по штатам, категориям дел и типам судов. Впрочем, такая статистика от автора также потребовала бы анализа, а изолированно и внеисторически не могла бы ничего подтвердить или опровергнуть.

Вставленные в главу IV «в качестве примера использования в наши дни традиционных институтов правосудия официальными властями» данные по Руанде и по ЮАР (с. 164–169) в действительности являют собой яркий «пример использования в наши дни» в монографии каких попало собственных текстов без оглядки на ее тему. Кстати, предложенное Р.Н. Исмагиловой апологетическое и не имеющее научных оснований толкование собственно «примера» обычного права в ЮАР – вполне в духе ее рассказов о «традиционных механизмах» в Эфиопии: «Традиционная система урегулирования конфликтов дает шанс обвиняемым высказать свою точку зрения, признать открыто свою вину и в конечном счете попросить прощения за содеянное (как будто в казенном судопроизводстве все это невозможно! – А.Э.). Цель убунту – создать взаимно благоприятные условия при разрешении конфликтов. Сотрудничество, а не соперничество, которое лишь ухудшает ситуацию и усугубляет нестабильность в обществе» (с. 168).

Если главным для урегулирования конфликта полагается *дать шанс обвиняемому* высказать, признать, попросить и т.п., а не *дать шанс членам общества* оградить себя законом, никто не может считать себя мало-мальски защищенным от беззакония вплоть до убийства, коль скоро и преступнику, кроме достаточных в глазах африканистов *высказываний точки зрения, признаний вины и просьб о прощении*, ничто не грозит, и родственникам лишние верблюды не помешают. Вновь приходится напомнить, что соединение фактической безнаказанности конкретного преступника с огульной ответственностью группы «за каждого своего члена» и историей, и правоведением считаются средствами не умиротворения и стабилизации общества, а, напротив, разложения его и разжигания в нем всеобщей вражды. Возможность же откупиться (к тому же все больше за

счет родни) от наказания даже за убийство помогает укреплению законности не больше, чем средневековые индульгенции за деньги или взяточничество в уголовном процессе. Такая, с позволения сказать, африканистика, не понимающая прописных истин и прикрывающая социально опасные пережитки красивыми ярлычками вроде «единство» и «прощение», просто не имеет морального права попрекать потом Африку распространенностью коррупции...

В пространных рассказах о «традиционных институтах правосудия» не только не усмотреть «детального и многопланового» анализа эфиопского *этнического федерализма*, но зачастую не разобраться даже в эмпирических данных; приведем лишь один пример: «Ритуальные церемонии разработаны детально. Имеется четыре типа ритуальных шкур леопарда (куак) с разными функциями:

- Киак-ин-соан – употребляется в свадебных церемониях или других, связанных с установлением мира в общине;

- Куак-ин-луал – леопардовая шкура, выкрашенная в красный цвет, которую Куаар Муон надевает, когда рассматривает земельные споры;

- Куак-ин-бор – леопардовая шкура, выкрашенная в белый цвет, которую Куаар Муон надевает, когда решает споры, связанные со скотом. Нуэр убеждены: если человек, сидя на этой шкуре, лжет, он умрет.

- Куак-ин-чар – леопардовая шкура, выкрашенная в черный цвет, которую Куаар Муон надевает, когда расследует дело об убийстве, прелюбодеянии и другие сложные проблемы.

Из шкуры берутся несколько волосков, затем сжигаются, а зола смешивается с водой. Спорящие стороны должны выпить ее. Считается, что виновный умрет, и ничто не сможет его спасти. Никакого другого способа выяснить истину нет» (с. 158–159).

Нетрудно догадаться, чего ради почти в каждом пункте автор поясняет, что шкура леопарда является *леопардовой*. Но сам собою напрашивается вопрос: если в рамках механизма урегулирования споров «ритуальные церемонии разработаны детально» и если под словом «умрет» понимается не общая для всех живых существ перспектива, а близкая перспектива конкретных участников мероприятия, то какова *статистика* результативности такого урегулирования конфликтов или хотя бы в какой доле случаев помер лжец, сидящий на Куак-ин-бор, или *виновный*, выпивший раствор золы Куак-ин-чар? Какой смысл в сказке, обрывающейся на самом интересном месте? Нет никаких оснований исключать возможность того, что шкура окажется неисправной, поэтому логически неизбежен вопрос о том, какие действия для того, чтобы помочь ей поубивать лжецов и виновных («выяснить истину»), предусмотрены «традиционными механизмами», в которых, как утверждает автор, *другого способа нет*.

Судя по тезису о том, что «ничего отсталого, унижительного в этнической идентичности нет: это часть культуры и самосознания» (с. 13), автор безосновательно считает ссылку на «часть культуры и самосознания» достаточной для отрицания *отсталости* и *унижительности*. Именно идеологические (в широком смысле) явления зачастую бывают реакционными. Любая «отсталая и унижительная» социальная дорога – хоть становление нацистской диктатуры, хоть подготовка к преступлению на бытовой почве, – мостится «частями культуры и самосознания». Для определения степени «отсталости и унижительности» некоторого явления необходим не ответ на риторический вопрос о том, является ли *социальное* явление частью культуры (не в *природных* же явлениях искать реакционность!), а «в первую очередь» осознание того, в каком веке живешь и, между прочим, сколько уже столетий прошло с тех пор, как общественная мысль стала признавать национальную, религиозную и многие другие «идентичности» отчужденными и реакционными «частями культуры и самосознания», унижительными для человеческого достоинства.

Многие формулировки в тексте остались темными, хотя настоятельно требовали разъяснений. То ли Р.Н. Исмагилова адресует свое изложение исключительно тем, кто и сам знает все по реально затронутым темам лучше автора, то ли она просто не утруждала себя поиском дополнительных материалов в случаях, когда используемый источник содержал явно недостаточную информацию, но в таких формулировках автора за справочной формой изложения стоит непонятное содержание: «Часть джарсо, которые многие годы соседствовали с гарри, говорят на языке сомали [...]. С самого начала их совместного проживания (более 150 лет назад) гарри были аристократическим кланом, а джарсо – фермерами-арендаторами. Ныне джарсо хотят изменить свое положение, что приводит к напряженности. Гарри, относящиеся к доминирующей клановой семье дарод, пытаются использовать это и занять земли джарсо. Вспыхнувший между ними в 1992 г. вооруженный конфликт с использованием артиллерии продолжался шесть месяцев. В результате сотни были убиты, тысячи вынуждены были бежать. Победили джарсо» (с. 84). Смысл сказанного понять невозможно. Утверждение о том, что «ныне джарсо хотят изменить свое положение», весьма неопределенно: в каком смысле «изменить»? Может быть, стать аристократами? Или хотя бы отказаться от арендуемой земли и фермерского хозяйства? Далее, если гарри пытаются использовать «это» – то ли уход джарсо на другие территории, то ли просто их стремление перейти из земледельцев прямо в аристократы, – и «занять земли джарсо», то при такой гармонии интересов откуда взяться конфликту? И как понимать «их земли», если статус фермера-арендатора логически подразумевает наличие договора аренды на определенных условиях и за определенную плату и, соответственно, требует от претендующих на уже занятую арендатором землю не «этнических конфликтов» с ним, а переговоров – или, если угодно, конфликтов «с использованием артиллерии», – с арендодателем, т.е. с реальным земельным собственником? Как понять, о каком *владении* говорит автор, сообщая, что, «по полученной мною информации (т.е. не по той, которой у автора нет! – А.Э.), fuga не имеют права владеть землей и возделывать основную продовольственную культуру этих мест – асат (энсет)» (с. 55), если ниже сообщает, что «в соответствии с Конституцией Эфиопии вся земля национализирована» (с. 126) и что «земля является государственной собственностью» (с. 521)?

Утверждая, что «очень осложняет ситуацию в стране в целом и в регионах разделение на “титульные” и “нетитульные”, коренные/некоренные народы/национальности. Поскольку всеми правами обладают первые, это вызывает огромное недовольство и также сопровождается конфликтами» (с. 73), Р.Н. Исмагилова приводит совершенно непонятный пример: «Такие многомиллионные народы, как амхара, оромо, тиграй вне собственных штатов (Амхара, Оромия, Тиграй) превратились в этнические меньшинства» (с. 73). Но *в чем* конфликтогенность того, что «многомиллионные народы» являются «этническими» меньшинствами *вне собственных штатов*? И не считает ли автор более рациональным ради общественного спокойствия обеспечить хотя бы *каждой* из трех названных групп *большинство* в каждом из «нетитульных» для них штатов? Если да, то каким способом? К сожалению, эти вопросы, лежащие на поверхности, не находят ответа в тексте.

В рецензии на научный труд нельзя, конечно, не сказать также о формальной стороне авторского изложения. Орфография в тексте почти не хромает, но кое-где попадаются мелочи вроде «не покажется» вместо «ни покажется» (с. 232). Технических огрехов в тексте Р.Н. Исмагиловой по нынешним меркам немного; по крайней мере, библиографические ссылки, в основном на англоязычные источники, по большинству оформлены добротно (хотя есть разноречивость в указании авторов – то именем и фамилией, то фамилией и инициалами), а ее готовность отсылать к собственным и так уже использованным в монографии публикациям вряд ли кого-либо удивит *в современном обществе*.

Конечно, некоторые внешне незначительные огрехи наводят на размышления по поводу авторской методики научного творчества вообще и работы с источниками в частности; скажем, вместо раздутья текста путем повторения выходных данных одной и той же статьи в сносах 8, 27, 51 и 63 к главе III (с. 98–100) лучше бы Р.Н. Исмагилова определилась с заглавием этой статьи. Запутанно и кругами подступаясь к причинам конфликтов и собрав целый ряд собственных вариаций на эту тему (с. 70–74, 83, 92), автор, помимо прочего, указывает: «Конфликты из-за ресурсов происходят даже среди членов одной и той же этнической общности. Это касается в первую очередь сомали, где межклановые конфликты сопровождаются насилием, кровопролитием и кражей скота. *По традиции, убийство влечет за собой месть. И конфликт становится затяжным*» (с. 82; курсив мой. – А.Э.). Однако фрагмент, явно взятый автором из другого текста, где предметом были уже не условия вызревания конфликтов, а механизмы регулирования их, не столь пессимистичен: «Глава клана передает определенное количество скота, принадлежавшего убийце, родственникам убитого в качестве “платы за кровь”. Они могут принять, а могут и отказаться и отомстить таким же образом, как произошло убийство. *Однако это случается не часто*» (с. 132; курсив мой. – А.Э.). Остается надеяться, что «это» означает ответное убийство вообще, а не исключительно убийство каким-то «таким же образом». Вдобавок в конце главы III, посвященной межэтническим отношениям и конфликтам, автор помещает четыре страницы ради якобы подведения «итогов» (с. 93), а в действительности, по видимому, просто затем, чтобы не пропадал имеющийся в запасе текст, по сути повторяющий уже сказанное о «причинах межэтнических конфликтов» (с. 94) и т.д. Правда, в «итогах» вдруг появляется такой вариант «межэтнического конфликта», как *бытовые споры соседей*, которые почему-то не числятся среди вариантов даже *конфликтов вообще* (с. 82) в штате Сомали...

На с. 177 в нескольких сносах автором известной книги о нуэрах числится не *Эванс-Причард*, а *Эванс-Притчард*: вероятно, не ознакомившись с нею, Р.Н. Исмагилова механически повторила написание фамилии, принятое в московском издании 2004 г. «Теорий примитивной религии» того же автора. На с. 89 упомянут нидерландский антрополог Й. Аббинк, на с. 96 – уже нидерландский антрополог-эфиопист Й. Аббинк, а на с. 244 – нидерландский эфиопист Й. Аббинк; это затянувшееся представление Й. Аббинка читателю (по образцу «жаль, что нам не удалось послушать начальника транспортного цеха») лишний раз подтверждает, что Р.Н. Исмагилова составляла текст достаточно механически, плохо помня, что где обсуждалось или упоминалось. Сначала система «Гада» встречается в тексте в одном варианте написания (с. 20), потом в двух («Гада/Гаада») и к тому же с эквивалентом на не оговоренном иностранном языке (с. 107), потом несколько раз в одном варианте, однажды даже со строчной буквы (с. 108–109), а после этого снова в двух (с. 109). Автор, хоть однажды прочитавший собственный текст целиком, оставил бы два варианта лишь для первого упоминания в тексте.

Как указанные огрехи не могут повлиять на общее благоприятное (на нынешнем литературном фоне) впечатление от авторского языка, так и это впечатление не может повлиять на общую отрицательную оценку рецензируемого труда, всех аргументов в пользу которой в рецензию просто не вместить. Теоретическая база работы ничтожна, что лишает смысла прежде всего те положения текста, которые имеют хоть какое-то отношение к теме, включая содержащиеся в заключении общие фразы в пользу «этнического федерализма» и «этнокультурной автономии», не зависящей «от территории расселения, статуса и численности» (с. 525–526). Текст по большей части не соответствует теме, содержит целый ряд содержательных неясностей, неточностей и даже ошибок, изобилует нарушениями логики изложения не только на уровне компиляции боль-

ших частей, но даже внутри отдельных фраз. Серьезная монография на заявленную автором тему – дело будущего.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭЛЕЗ Андрей Йовович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, Москва, Россия.

Andrei Elez – PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Centre for Tropical African Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 04.06.2019 г.

Формат 70x100 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 23,1

Тираж 290 экз., включая 5 экз. бесплатно

Зак. 6/3а.

Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»